

Н.Б.Алдарова

ИЗ ОХРАННЫХ ИМЕН БУРЯТ

Истоки охранных имен, безусловно, уходят в глубокую древность и связаны с пониманием значения и функции имени.

Еще в начале XX века, когда духовная жизнь отсталых окраин России всецело находилась в плену религиозных представлений, у проживавших здесь народностей считалось, что имя человека — одна из его душ. Известный советский этнограф Л.Я.Штернберг в 1936 г. писал о широкой распространенности подобного взгляда. Так, эскимос считал, что человек состоит из тела, души и имени, причем лишь имя одно бессмертно. Давая новорожденному имя недавно умершего родственника, эскимосы считали, что вселяют в ребенка душу покойного, которая после процедуры наречения становилась своего рода ангелом — хранителем ребенка^I. Аналогичное понимание имени свойственно почти всем народам на определенной ступени развития общества.

По свидетельству Риса, приведенному у Л.Я.Штернберга, для всех индоевропейских народов была характерна вера в то, что имя является главной частью человека, его душой, дыханием,

^I См.: Л.Я.Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 309.

жизнью¹. Имени придавалось такое огромное значение, что, как думали, блаженство покойника зависело от отношения к его имени живых. Вот почему у всех народов всегда заботились о том, чтобы имя покойного не оскорблялось, не поминалось без особой надобности. С другой стороны, небезопасно было без нужды произносить и имя живого, так как оно могло быть услышано недоброжелателем и подвергнуто магическим заклинаниям и колдовству. Стремление скрыть имя — широко распространенное явление на всех континентах мира. Так, древние египтяне назывались в обиходе "малым" именем, а "большое", настоящее, имя хранилось в тайне².

Как видно из сказанного, примитивные взгляды отсталых народностей и древние обычаи цивилизованных народов органически переплетаются, дополняя и объясняя друг друга. Известно, что обычаи — очень консервативная сторона человеческой жизни, в пересмысленной форме сохраняющиеся с глубокой древности. Они свидетельствуют о том, что именование детей — дело огромной важности, поэтому у каждого народа издавна существуют определенные традиции выбора имен. Так, у некоторой части бурят до недавнего времени сохранялся обычай в случае смерти предыдущих детей называть ребенка домашним именем с отрицательной, уничижительной семантикой.

Кроме того, по существующим поверьям, каждый год 12-летнего животного цикла несет в себе независимые от нас объективно существующие радости или

¹ См.: Л.Я.Штернберг. Указ. соч., с. 310.

² См.: там же, с. 312; Д.Фрезер. Золотая ветвь, вып. 2 — Табу-запреты. М., 1928, с. 88.

горести. Например, года "коровы", "мыши", "барана", "лошади" — года, сулящие благополучие, довольство, год "курицы" — голодный, года "дракона", "змеи", "свиньи" — тяжелые, влекущие несчастья, стихийные бедствия и т.д. Поэтому родившиеся в эти годы дети иногда оберегались охранными именами¹.

В недалеком прошлом у многих бурят такие имена были единственными у носителя, к примеру: Муудай, Муухан, Муужан, Муутха от муу 'плохой', 'дурной', 'скверный'; Забаан, Забаадай, Забаадии < забан 'безвкусный', 'пресный', 'постный'; 'пустой'; 'ни рыба ни мясо'; Архинша 'пьяница'; Худууша 'вор' и другие. Считалось, что подобными именами можно ввести в заблуждение недоброжелателей, особенно злых духов, и сохранить жизнь ребенка. Обманными именами пользовались и в тех случаях, когда у бездетных супругов появлялся долгожданный ребенок или когда дети часто умирали². Об этом же пишет и исследователь калмыцкой антропонимии М.У.Монраев³.

К обманным именам, по-видимому, относятся и антропонимы, восходящие к апеллятивам со значением "старик", "старичок", "старуха": Убгэн 'старик'; 'старый'; 'почтенный'; Убгөөдэй 'старичок'; Эмгэн, Эмэгэн < эмгэн 'бабушка'; 'старуха'; эмгэрхэ 'ста-

¹ См.: И.Д.Б у р а е в, Л.Д.Ш а г д а р о в. О бурятских личных именах. — В сб.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 108.

² См.: И.Д.Б у р а е в, Н.Б.Д у г а р о в, А.Р.Б а д м а е в. Бурятские имена. — "Справочник личных имен народов РСФСР". М., "Советская энциклопедия", 1965, с. 84; И.Д.Б у р а е в. О бурятских личных именах. — "Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций". Улан-Удэ, 1969, с. 49.

³ См.: М.У.М о н р а е в. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии. — "Ономастика Поволжья", вып. 2. Горький, 1971, с. 64.

реть', 'стариться'. К этому же семантическому ряду, думается, можно отнести и антропонимы Сагаан Толгой 'белая, седая голова', 'седовласый', Халзан, Халзандай, Малаан 'лысый', 'плешивый', являющиеся в разговорной речи синонимами к словам "старик", "старый".

По замечанию Л.Я.Штернберга, в случае смерти предыдущих детей, у современных ортодоксальных евреев новорожденному дают имя "старик" или "старуха"¹.

Наличие аналогичного явления у народов с разной системой именования свидетельствует о большой давности этого ряда имен.

У монгольских народов обращение к значениям "старик" и "старуха" имеет двойкий смысл. С одной стороны, старые люди пользовались непрерываемым авторитетом в силу своего жизненного опыта, их наказы, советы и просьбы неукоснительно выполнялись. С другой стороны, старость ассоциировалась с представлением чего-то отжившего, не приносящего обществу пользы. Поэтому, вероятно, людям казалось, что носители подобных имен не угодны "злым духам".

Известно, что у монгольских народов испокон веков высоко ценилось рождение мальчиков, которые должны были продолжать род и содержать на старости лет родителей. Поэтому буряты "оберегали" прежде всего их при помощи таких имен, как Намган, Намгааша 'жена', 'женщина'; 'женский'; Эзы (зап.) 'женщина'; 'баба'; Муу эзы 'плохая, дурная, скверная баба'; Эмэ, Эмэдээ, Эмээсхэн < эмэ 'женщина'; 'баба'; 'самка'; Ухин 'девчонка'; Муу Ухин 'пло-

¹ Л.Я.Штернберг. Указ. соч., с. 311.

хая, дурная, скверная девчонка' Женщина представлялась не только ненормальным, второсортным человеком, о чем красноречиво свидетельствует "Памятник обычного права бурят ХУП в."¹, но и "нечистым". Отголоски суеверного представления о "нечистоте" женщины наблюдаются и ныне: всем известно убеждение относительно присутствия женщин при совершении серьезных дел у некоторых охотников, рыбаков, шахтеров, шоферов дальних рейсов и т.д. Корни такого представления, отразившегося во всех религиях, восходят к глубокой древности и связаны с биологической природой женщины и поло-возрастным разделением труда.²

Любопытно, что в качестве "охраняющих" мужских имен у бурят употреблялись также названия животных-самок с отрицательной экспрессией: Муу үнээн 'плохая, худая корова'; Эмэ нохой 'сука', Улэгшэн 'самка (животного)'.³

Ту же функцию выполняли и названия некоторых животных, земноводных, рыб, насекомых, которые, будучи перенесены на человека, связывались с неприятными, отталкивающими чертами этих представителей фауны: Гахай 'свинья'; Баха, Бахаашка < баха 'лягушка'; Харха 'крыса'; Сордон, Сордохон < Сордон 'щука'; Алгана 'окунь'; Елоогной < елоогоно 'елец'; Ярзайхай 'рыбешка', 'мадек', 'маявка'; Баахалдай (кач., каб.) 'паук'; Ноно 'овод', 'слепень'.

Подобные имена известны и в других монгольских языках: Өвгөн, Өвгөнхүү < өвгөн 'старик', 'старец'; Чавганц 'старуха'; Ухин 'девчонка'; Сам-

¹ С.А.Токарева. Памятник обычного права бурят ХУП в. Отт. из мат-лов истор. архива 1963 г.

² См.: С.А.Токарева. Ранние формы религии и их развитие. М., "Наука", с. 140.

ган (диал.) 'жена'; Нэргуй 'без имени'; Энэ бийш (монг.) 'не этот'; Муу 'плохой', 'скверный'; Мекля 'лягушка'; Арийнчи (калм.) 'пьяница'¹.

Аналогичные прозвищные имена бытуют и в тюркских языках: якутском, тувинском, алтайском и других². В казахском часты унижительные прозвища, являющиеся своеобразным пожеланием здоровья, силы, красоты³.

Академик Гордлевский указывал на употребительные у османских турков прозвища с обратным значением: прозвище Пинти - "скупая" указывает как раз на щедрость женщины, выстроившей в городе мечеть⁴. В "интеллигентных" кругах при выборе имени "руководятся принципом противоположения; так, М.Эмир, автор "Турецких стихотворений", говорил: "В именах бывает наоборот. Я назвал своего сына Халим "кроткий", так как желаю, чтобы он был сильным"⁵.

¹ См.: Ч.С.О.Д.Н.О.М. Монгол хуний нэрийн тухай. - "Монголын судлалын зарим асуудал", т. IV, fasc. 15. Улан-Батор, 1964, с. 94, 96, 103, 109; М.У.М.О.Н.Р.А.Е.В. Указ. соч., с. 64.

² См.: К.Ф.Гриценко. Личные имена и прозвища у якутов. - "Антропонимика". М., "Наука", 1970, с. 156; А.И.Рудных. Вторые имена у якутов. - "Антропонимика", с. 222; С.Ф.Табаровская. Заимствованные собственные имена и традиционные прозвища в якутском языке. - "Языки и литература народов Сибири". Новосибирск, 1970, с. 172-173; С.И.Вайнштейн. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев. - "Ономастика". М., "Наука", 1969, с. 128; Н.И.Шатинов. К истории алтайских имен. - "Этнография имен". М., "Наука", с. 67.

³ См.: К.Б.Шубаева. Казахские прозвища. - "Ономастика Поволжья", вып. 2. Горький, 1971, с. 101.

⁴ Вл.Гордлевский. К личной ономастике у османцев. Отт. из кн.: Древности Восточные, т. IV, вып. I. М., 1913, с. 6.

⁵ Там же, с. 4.

У бурят подобные прозвищные имена назывались ара нэре, что при буквальном переводе значит "заднее (или теневое), тыльное (обратное) имя". Как видно, ни это название, ни его содержание не противоречат общей традиции обманного именования у тюркских народов.

Указанные прозвищные имена у восточных народов, в том числе у монгольских, выполняя функцию "защиты" новорожденного от злых духов, выражают иносказательное пожелание ему благополучия, здоровья, счастливой жизни. Таким образом, эвфемистические имена этого типа совершенно скрывают подлинную мысль человека, переходят в антифразис — способ выражения, при котором говорят обратное тому, что думают: иронически или из чувства страха перед богом, перед злыми духами, колдовством.

Как известно, эвфемизм — смягченное выражение, используемое для передачи мысли или понятия, прямое выражение которых было бы в какой-то мере нежелательным¹. Природа эвфемизмов неодинакова. Об этом свидетельствуют разные акценты в определении термина. В греческо-русском словаре, составленном А.Д.Вейсманом, находим: "Eufemia — произношение слов, имеющих хорошее предзнаменование; воздержание от слов, имеющих дурное предзнаменование (особенно при жертвоприношениях), благоговейное молчание, eu 'хорошо', femia 'молва', 'слух', 'речь'"².

Если определение Ж.Марузо отражает содержание эвфемизмов современного литературного языка,

¹ См.: Ж.М а р у з о. Словарь лингвистических терминов. Пер. с франц. Н.Д.Андреева. М., Изд-во иностр. лит., 1960, с. 340.

² "Греческо-русский словарь". Сост. А.Д.Вейсман. Изд. 5-е. СПб., 1899, с. 562.

то, по определению А.Д.Вейсмана, эвфемизмы – это избегание слов по религиозным соображениям и прои-
зношение тех из них, которые выражают хорошее
предзнаменование. Об эвфемизмах, используемых по
религиозным соображениям, пишет и Е.Е.Речицкая:
"Эвфемизм – это, во-первых, ряд приемов, с помощью
которых слово или фраза, хотя и более точно пере-
дающие нашу мысль, по каким-либо соображениям шо-
кирующие слушателя или режущие его слух, заменяют-
ся смягченным, завуалированным выражением. И, во-
вторых, это способ, который позволяет избегать
упоминания в речи имен сверхъестественных существ,
а также слов религиозного содержания и дурного
предзнаменования^I.

Второй способ, связанный с суеверием, вероят-
но, точнее отражает возникновение эвфемизмов, их
исходное назначение.

Содержание и функция указанной группы личных
имен свидетельствует о путях преломления этого
способа в антропонимии.

Следующая группа эвфемистических имен связана
с табуированием старших родственников, уважаемых
людей рода и села и генетически восходит к терми-
нам, обозначающим служебные обязанности, степени
родства и свойства. Система замены имен на титулы и
термины родства известна монголам давно. В частно-
сти, основатель государства и династии Алтын-ханов
в Западной Монголии в ХУ в. Шолой Убачи Хун-тайд-
жи был известен своим соседям – ойратам, киргизам
и русским только под своим титулом Алтын-хана. В

^I Е.Е.Р е ч и ц к а я. Некоторые типы пури-
танских эвфемизмов в современном английском языке.
Баку, 1944, с. 12.

русских архивных документах ХУП в. об этом сказано следующее: "А про Алтыново прямое имя люди не сказывают, а называют его все только Алтыном, а тогда де ему подлинное имя будет ведомо, как его не станет¹.

Ныне нам не известны случаи подобной замены, однако у бурят встречаются факты превращения терминов родства во вторые имена. Так, в семье Турухаева Мутуная старший сын Доржи ближайшими родственниками именовался Ахаадии (ласкательная форма от аха 'старший брат'). С течением времени термин родства превратился во второе, бытовое имя. Сверстники, 70-летние старцы, и ныне называют его только Ахадием, хотя помнят его основное, паспортное имя².

До недавнего времени обращение по имени с присовокуплением к нему термина родства считалось признаком хорошего тона. В старину культивировалось также знание родословной и терминов родства. На празднествах и гуляниях для детей устраивались своего рода соревнования на лучшее знание родственников по линии отца и матери. Поэтому несомненная связь таких имен, как Ахаадии 'старший брат'; Аханай (эхир.) 'старшая сестра'; Тээли 'средний сын', 'средняя дочь'; Баабай 'отец', 'папа'; 'бабушка'; 'дед', 'дедушка'; 'праотец'; в говорах -

¹ Н.П.Ш а с т и н а. Алтын-ханы Западной Монголии в ХУП в. - "Советское востоковедение", т. 6. М., 1949, с. 385; Н.Л.Ж у к о в с к а я. К вопросу о соотношении социального титула и личного имени у монголов. - "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем". М., "Наука", 1970, с. 231.

² Информация получена от Доржи Мутунзевича Турухаева, уроженца Баргузинского аймака БурАССР, в 1972 г.

'старший брат', 'старшая сестра'; Абга, Абага 'брат отца', 'дядя (по линии отца)'; почтительное обращение к старшим — с обычаем обращаться друг к другу по терминам родства.

По этнической традиции бурят обращение к собеседнику только по имени считается предосудительным. Поэтому во многих селах к чужому человеку обращаются со словами аха, ахай — 'старший брат', эгэ-шэ, абгай, хээтэй — 'старшая сестра', к представителям района или рода, откуда некогда была невестка — худа 'свят', худагы 'святъя', худанар 'сваты' и т.д. При длительном употреблении этих терминов по отношению к отдельным лицам имена иногда вытеснялись и забывались.

В семье бурята особенно почтительно относились к самому старшему сыну, а самый младший пользовался особым вниманием и любовью. Последний считался наследником отцовского очага. По обычаю минората имущество отца нераздельно переходило к младшему сыну. Особое положение младшего сына обусловило, вероятно, появление специального термина: бур. отхон, монг. отгон 'самый младший'; отгон хуу 'самый младший сын', затем целого рода синонимичных антропонимов — (Доодоон, Доожоон < доо) доо тээнъ 'внизу'; эгээн доо тээхи хубуун 'самый младший сын'.

В качестве имен использовались и синонимичные слова со значением "малыш": Бишайхан, Бишаадай, Бишаанай < бишайхан, бишихан 'маленький'; 'крошка'; Дуудэй, Дувунэй < дуу 'младший'; дуудэй 'младший братик'; Буубэй < буубэй 'ребенок' (ласкательное название); Тажаа, Тожоо < тажаа хубуун 'карапуз'; Маадай (кач.) 'младенец'.

К ним примыкают имена, восходящие к корреля-

тивными словам – хубуун 'мальчик' и басаган, үхин 'девочка': Хубуухэй, Хубуулэй, Хубуушхэ, Хубууншэг; Басагаади, Ухинэй, Ухин. Подобные имена имеются и в монгольском языке¹.

Появление таких имен объясняется бытованием в прошлом обычая замены имени по мере подрастания ребенка. Первое имя ребенок обычно получал от повивальной бабки, иногда своей бабушки. Из чувства предосторожности, как бы злые силы не обратили внимание на ребенка, его называли прозвищным именем, иногда, в случае смерти предыдущих детей, могли оставить без имени до года или трех лет. В обычае активными были синонимы со значениями "малыш", "ребенок", "карапуз", "дочка", "сынок" и т.п.², один из которых иногда становился именем. Чаще же функционировали два имени: одно – бытовое, другое – официальное. С распространением христианства в Прибайкалье и буддизма в Забайкалье у некоторой части бурят появлялось по 3 имени у каждого: у бурят, проживавших на территории Иркутской области, – бурятское, русское и бурятское ласкательно-просторечное прозвище; у проживавших в Забайкалье – имя, данное ламой из буддийского именника, ласкательно-ироническое прозвище и бурятское имя. Так, житель Чептыхойского сельсовета Качугского района Иркутской области Мунин (1909 года рождения) через 2-3 дня после рождения был назван Елбооном, через 6-7 месяцев, когда начал подпрыгивать, приплясывать на руках, – ласкательно-ироническим прозвищем Доо-

¹ См.: Ч.С о д н о м. Указ. соч., с. 71, 72, 74, 79, 82.

² Записано от А.Б.Алхунсэевой из Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского национального округа Иркутской области.

ла, образованным на основе звукоподражательного слова "доохос-доохос", аналогичного русскому "тра-та-та". Среди близких знакомых и родственников он известен ныне как Дооха и Елбоон. Официальное, паспортное имя - Алексей - Муниа получил после революции¹.

Аналогичные случаи в конце XIX - начале XX в. были известны и в Забайкалье. После рождения ребенка в течение ближайших 9-10 дней приглашали ламу, с благословения которого давалось имя из тибетско-санскритского буддийского календаря. Не довольствуясь таким официальным именем, буряты в быту называли ребенка бурятским именем с отчетливо осознаваемой семантикой, затем в зависимости от положения ребенка в семье присваивали ласкательно-ироническое прозвище, которое со временем превращалось в третье имя².

Подобное сосуществование имен разных систем в Прибайкалье объясняется взаимодействием культур разных народов - бурятской, русской и т.д.³. Однако параллельное функционирование трех личных имен и возможность их замены свидетельствует о существовании сложной системы именования еще в период до проникновения развитых религий. Настораживает и появление, на первый взгляд, неоправданных параллельных имен одной системы типа Лидия-Мария, Галина-Зинаида, Цэрэгма-Ципилма и т.д., то есть в документе - одно имя, в быту - другое. Так, жительница

¹ Записано автором в 1972 г.

² См.: Лодон Л и н х о в о и н. Заметки о до-революционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972, с. 77-78.

³ См.: А.А. Д а р б е е в а. Параллельные формы личных имен бурят. - "Антропонимика", с. 205-206.

Улан-Удэ, уроженка Аларского района, К.С. рассказала об обстоятельствах получения ею нескольких имен. "Из-за болезни матери я родилась 7-месячной, дни и ночи ухаживала за мной бабушка. Месяцев до трех или больше я вообще не имела имени, затем меня стали называть то одним именем, то другим, то третьим. Когда выросла, совершенно неожиданно обнаружила четвертое, официальное, паспортное"¹. Причем все имена даны были из русского именника. Вероятно, дача одного имени, не обязательно бурятского, по представлениям тогдашних бурят, могла повредить ребенку, обнаружить его местонахождение и т.д., а непостоянство, путаница имен обеспечивали ему здоровье и благополучие. В связи с этим уместно вспомнить обычай, когда ребенка для сохранения его жизни надо было передавать из окна, переезжать из одного района в другой (желательно к востоку, к солнцу), одновременно меняя ему имя.

Н.Л.Жуковская систему вторых имен считает связанной с уходящим в глубину веков шаманским обычаем скрывать личные имена².

Имеющийся ныне материал позволяет сделать вывод, что замена имени, присвоение вторых и третьих имен связаны не столько с шаманизмом, сколько с древними дошаманскими языческими поверьями, взятыми и развитыми религиями.

Замена имени в целях сохранения жизни ребенка - ныне редкое явление, анахронизм. Преобладающее большинство людей меняет имя из эстетических

¹ Записано в 1973 г.

² См.: Н.Л.Жуковская. К вопросу о соотношении социального титула и личного имени у монголов. - "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем". М., 1970, с. 231.

соображений (на модное, звучное, удобопроизносимое) и по традиции (у калмыков)¹.

В связи с табу имени у калмыков выработалась специальная система для замены имен старших родственников. Взамен их из афедлативов подбирались слова-синонимы. В затруднительных случаях первые согласные имен заменялись j или другими согласными, вследствие чего частично изменялось качество последующего гласного: Ценкир - Йенкир, Булган - Йулган, Шикир - Микир².

У западных монголов от имен почтенных людей сохраняется только первый звук, к которому прибавляется элемент ааяа, придающий обращению оттенок уважительности. Так, к Дамдину обращаются "Даяаа", к Жамьяну - "Жаяаа"³.

Почтительное обращение к старшему, по обычаям бурят, также исключает упоминание его имени, в частности, в некоторых местностях принято обращаться: "отец или мать такого-то (по имени старшего ребенка)". Наряду с этим ныне в обиход активно вступает русская форма обращения.

Исключение имени из речи, модификация его как знак почтения представляют собой, вероятно, трансформацию табуирования имени в целях защиты. С развитием общества и исчезновением религиозных представлений подобная форма обращения у монгольских

¹ См.: А.А.Д а р б е е в а. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках. - "Ономастика". М., "Наука", 1969, с. 47.

² См.: М.У.М о н р а е в. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии. - "Ономастика Поволжья", вып. 2. Горький, 1971, с. 65-66.

³ Информация получена от Жамбал-Дорж, уроженца МНР, аспиранта Академии общественных наук, в 1974 г.

народов приобрела функцию одного из правил нравственного поведения в быту.

Скрывание имени у монгольских народов, в частности у бурят, носило не всеобщий характер, а проявлялось в единичных и опасных для жизни случаях, иначе вера в силу замены имени как средства защиты могла бы забыться.

Дача двух имен, их замена и непостоянство были распространенным явлением среди многих народов Советского Союза: тюркских, угро-финских, иранских¹.

Таким образом, двойное именование человека, утаивание его настоящего имени имели длительную историю² и свидетельствовали о страхе и бессилии человека перед болезнями и силами природы.

Известно, что брата великого русского композитора Модеста Мусоргского звали двойным именем Евгений-Филарет. Смерть предыдущих детей, боязнь потерять и этого ребенка привела "к необходимости"

¹ См.: С.И.В а й н ш т е й н. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев. - "Ономастика". М., 1969, стр. 125, 127; Г.В.Ю с у п о в. Антропонимы в болгаро-татарской эпиграфике. - "Личные имена в прошлом, настоящем, будущем", с. 249; Т.Х.К у с и м о в а. Из истории личных имен башкир. - Там же, с. 242; А.Г.Г а ф у р о в. Таджикская антропонимия. - Там же, с. 278; е г о ж е. Аристотель аллаха (из истории антропонимии народов Средней Азии) - "Наука и жизнь", 1971, №8, с. 62-63; Т.И.Т е п л я ш и н а. Двойные имена удмуртов. - "Личные имена в настоящем, прошлом, будущем", с. 164; Н.В.Б и к б у л я т о в. Антропонимы и термины родства. - "Ономастика Поволжья", вып. 3. Уфа, 1973, с. 100-106.

² См.: Льюис Г.М о р г а н. Древнее общество. Л., 1934, с. 47-48; Д.Д.Ф р э з е р. Золотая ветвь. Вып. 2 - Табу-запреты, с. 87-93; Б.О.Д о л г и х. Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка. - "Краткие сообщ.Ин-та этнографии АН СССР". М., 1954, с. 38-40.

вспомнить древний обычай. Случалось, что при жизни человека звали Дмитрием, а при погребении оказывалось, что он Федот¹. Великий князь Иван III был когда-то Тимофеем, великий князь Василий III — Гаврилом². О живучести подобного именованья свидетельствуют отдельные факты, встречающиеся и в наши дни. Так, в селе Жемчуг Тункинского аймака Бурятской АССР в русской семье Г. часто умирали дети. Исстрадавшимся родителям кто-то напомнил о старом обычае. Родившийся в 60-х годах очередной ребенок получил два имени: по документам Михаил, дома и для соседей — Алеша³.

Древний обычай был известен почти у всех народов. Еще Д.К.Зеленин по этому поводу писал: "Хотя на территории восточной Европы и северной Азии живут разноплеменные народности — славянские, финно-угорские, яфетические, турецкие, монгольские, палеоазиатские и иные, но в отношении табу слов у них больше общего, нежели отличного"⁴.

¹ См.: Н.И.К о с т о м а р о в. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI-XVII столетиях. СПб., 1860, с. 15.

² См.: Н.Ч е ч у л и н. Личные имена в писцовых книгах XVI в. — Журн. "Библиограф", 1890, № 7-8, с. 74.

³ Полевая запись автора в 1971 году.

⁴ Д.К.З е л е н и н. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, ч. I. — "Сб. Музея антропологии и этнографии", т. УШ. Л., 1929, с. 3.